

Римский-Корсаков Николай Андреевич

**Летопись моей музыкальной
жизни (1844-1906). С
иллюстрациями на отдельных
листах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 **Николай Андреевич Р.**
Летопись моей музыкальной жизни (1844-1906). С иллюстрациями на отдельных листах /
Римский-Корсаков Николай Андреевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 496 с.

ISBN 978-5-519-80757-9

ISBN 978-5-519-80757-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.

Настоящее издание отличается от двух предыдущих (Петербург, 1909 г. и 1910 г.), вышедших под редакцией Н. Н. Римской-Корсаковой, во-первых, добавлениями в тексте, извлеченными из автографной рукописи, ранее исключенными согласно воле автора (см. Введение стр. 13); во-вторых, подстрочными примечаниями редактора настоящего издания; в-третьих, его же общим Введением; в-четвертых, Хронографом жизни Н. А. за последние полтора года и, наконец в-пятых, некоторыми дополнительными приложениями и указателями имен и предметов.

При составлении подстрочных примечаний, редактор придерживался принципа—избегать, по возможности, того, что носило бы характер комментария или самостоятельного дополнения к тексту. Он ограничивал свою задачу исправлением хронологических неточностей, раскрытием оговоренных и неоговоренных автором запятований или сообщением библиографических данных. Лишь в отдельных случаях им допущены в этом отношении исключения в пользу документов освещающих то или иное место в тексте „Летописи“.

Хронограф составлен всецело на основании документов, или почерпнутых в архиве самого Н. А. или предоставленных различными лицами в распоряжение редактора.

В датировке событий, как в тексте, так и в примечаниях и хронографе, сохранен старый стиль, во избежание лишней путаницы и переделок в документах. Орфография

всюду проведена новая. Даты написания частей „Летописи“ перенесены в текст в скобках. Все примечания самого автора помечены как таковые.

Редактор считает приятным долгом выразить здесь свою живейшую благодарность С. П. Белановскому, С. А. Дианину, В. Д. Комаровой, А. А. Ларонду, С. С. Попову, М. Н. Римскому-Корсакову, В. И. Сайтову, В. И. Суку, М. О. Штейнбергу, Б. П. Юргенсону и В. В. Ястребцову за любезное содействие в его работе, выразившееся в предоставлении документальных материалов, или в различных ценных указаниях.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

„Летопись моей музыкальной жизни“ оправдывает свое название. Действительно, как автобиография в настоящем значении этого слова, она не может удовлетворить вполне; в ней Николай Андреевич говорит главным образом, даже почти исключительно (кроме главы о заграничном плавании), о событиях своей музыкальной жизни. Но даже и музыкальная жизнь местами изложена недостаточно подробно, что особенно заметно в конце „Летописи“. Уже начиная со второй половины 90-х годов изложение становится чем дальше, тем более сжатым, как будто Н. А. спешил окончить свой труд к положенному сроку. Тем не менее, „Летопись“ представляет очень ценный биографический материал, что и побудило меня поторопиться выпустить ее в свет.

Приготовляя к печати „Летопись моей музыкальной жизни“, я руководилась тем, что при жизни Н. А. не раз высказывал, а именно: при издании после его смерти „Летописи“ во-первых, сделать некоторые необходимые в данное время сокращения; во-вторых, сгладить местами слог; в третьих, проверить некоторые числовые данные, не вполне точно установленные. Благодаря любезному содействию В. В. Ястребцева числовые данные по возможности проверены мною. Кроме того, для удобства читателя мною сделано разделение на главы. В подлинной рукописи такого разделения нет, но есть местами на полях обозначения, которыми я и пользовалась для обозначения содержания глав; там же, где никаких обозначений на полях не было, приходилось их делать самой.

Встречающиеся в „Летописи“ откровенные и строгие суждения о некоторых умерших и ныне живущих деятелях, как мне кажется, не могут никого оскорбить в силу того, что Н. А. одинаково, если не более откровенно и строго судит и о себе, о своих поступках и музыкальных сочинениях.

„Летопись“ писалась в разные годы, иногда с большими перерывами; напр. окончание лета 1893 года в Ялте напи-

сано через десять лет после описания его начала и середины. Все означенные в рукописи года и месяцы помещены мною в выносках в том порядке, как они находятся в рукописи; следует заметить, что иногда долго не встречается пометок ни года, ни месяца.

„Летопись“ доведена до августа 1906 года. В последних строках ее, исполненных какой-то затаенной грусти, говорится о дневнике, за который намеревался приняться Н. А. Но это намерение так и осталось невыполненным. Нашлось в переплетенной толстой тетради шесть заметок: четыре от 1904 года и две от 1907. В первой заметке от 5-го марта 1904 года, которую я привожу здесь целиком, говорится: „Я несколько раз в течение последних 15-ти лет собирался начать свой дневник, но постоянно откладывал и откладывал. В настоящее время думаю начать его с 1-го января этого года, но и на этот раз не собрался. Наконец твердо решил приняться за него с 6-го марта, когда мне стукнет 60. Сегодня, накануне сего события, вкратце изложу все, случившееся в моей музыкальной жизни с начала нынешнего года, а с завтрашнего дня поведу свою летопись в виде дневника“. После этой заметки идет изложение событий музыкальной жизни, начиная с января 1904 года, которые описаны и в „Летописи“, а через несколько страниц сделана надпись: „Дневник“, после которой помещены две заметки от 6-го и 9-го марта того же года. На другой стороне той же тетради нашлись еще две небольшие заметки от 28-го и 29-го ноября 1907 года и более ничего.

Таким образом, последние полтора года жизни совершенно не затронуты Николаем Андреевичем. Сочинение „Золотого Петушка“, постановка „Китежа“ на Мариинской сцене и поездка в Париж весной 1907 года нигде не упомянуты. Почему он не описал этих интересных событий своей музыкальной жизни—неизвестно. Я думаю это можно объяснить тем, что, пока Н. А. сочинял „Золотого Петушка“, он был, как и всегда, поглощен сочинением, отдавался ему вполне и не мог уже заниматься чем-либо другим. Вся его „Летопись“ написана в промежутках между музыкальными сочинениями. А когда работа над „Золотым Петушком“ окончилась, стала уже подкрадываться болезнь; с нею постепенное уменьшалось прежнее бодрое и жизнерадостное настроение и не было больше охоты вести свою „Летопись“. С декабря 1907 года болезнь уже сильно давала себя чувствовать: одышка мешала скорой ходьбе, чувство утомления мешало занятиям, наконец, все это привело к припадкам удушья в апреле и к смерти 8 июня 1908 года.

Н. Римская-Корсакова.

С-Петербург.
12 января 1909 года.

ВВЕДЕНИЕ.

„Летопись моей музыкальной жизни“ с самого появления ее в печати заняла место *важного источника для русской музыкальной историографии*,—важного в двух отношениях: и как памятник, охватывающий многообразные события русской музыкальной жизни второй половины 19-го века, и как психологический документ, освещающий многие черты и эволюцию художественной личности одного из виднейших представителей музыкального творчества в указанную эпоху. Невозможно перечислить все случаи ссылок на „Летопись“, цитат из нее и доказательств, построенных на фактах, засвидетельствованных на ее страницах.

Наряду с таким общим признанием „Летописи“ за источник большой содержательности и достоверности, до сих пор мы не имеем попытки серьезного критического анализа ее, как исторического и психологического документа. Нельзя же считать за образец подобной попытки тот или иной газетный отзыв, которым русская музыкальная критика приветствовала—в кавычках или без кавычек, в зависимости от лагеря—появление „Летописи“ в 1909 году. Вся эта численно довольно обширная литература сводится в лучшем случае к беглой общей оценке и более или менее обстоятельным—в рамках фельетона—аннотациям наиболее интересных страниц „Летописи“.

Отнюдь не беря на себя здесь, по разным причинам, ответственной задачи полного историко-критического, психологического и литературного анализа „Летописи“, я все же полагаю не лишним поделиться некоторыми наблюдениями и соображениями, которые могут облегчить правильный подход к „Летописи“ и содействовать объективной оценке ее содержания и личности ее автора.

Подстрочные примечания, сопровождающие текст настоящего издания, кроме своего прямого назначения (исправление мелких хронологических ошибок и неточностей в описании событий, раскрытие оговоренных и неоговоренных

запоминаний), могут в общем служить косвенным доказательством *большой достоверности всей фактической стороны содержания „Летописи“*. Память Н. А. работала, в общем, чрезвычайно отчетливо. Впрочем, из его писем к разным лицам можно видеть, что он не всегда доверял этому источнику, прибегая иной раз и к вспомогательным средствам в виде тех или иных документов своего архива (письма, программы, газетные вырезки и проч.).

При изучении любого литературного памятника в первую очередь встает вопрос о его авторстве. В тех же случаях, когда авторство бесспорно, вступает в силу аналогичный вопрос, именно, какому моменту, какой стадии и эпохе в эволюции личности автора соответствует изучаемый памятник. Так вырастает вопрос об истории данного памятника или документа.

„Летопись“ в значительной своей части—книга о самом себе. Она охватывает почти всю жизнь ее автора. Обыкновенно такие мемуары с автобиографическим уклоном пишутся в конце жизни, раскрывая конечный итог собирательной работы памяти. Клубок воспоминаний разматывается в таких случаях при полной жизненной нагрузке.

С „Летописью“ дело обстояло значительно иначе. Она написана не сразу и не в порядке последовательности жизненных событий, а в *несколько приемов и чересполосно*. Хронология возникновения отдельных ее частей приблизительно следующая (говорим приблизительно, так как не все части „Летописи“ имеют датировку их написания). Описание детства и юношеского периода—зачаток наибольшей давности. Эти страницы, составляющие ныне первую и вторую главы, изложены еще в 1876 г. (I гл.) и 1887-88 г. г. (II гл.).

Почему именно летом 1876 года Н. А. почувствовал желание углубиться в свои детские годы?

Лето 1876 года, как можно видеть из „Летописи“, было посвящено, наряду с другими работами (секстет, хоры а сарелла), изучению сборников русских народных песен. Думается, что именно интерес к песне послужил для Н. А. толчком к закладке первого кирпича будущей „Летописи“. Припоминая слышанные в детстве народные песни и прибегая с той же целью к помощи музыкальной памяти своей матери, Н. А. невольно вовлекся снова в Тихвинский мир и быт; кстати, вероятно, в изображении этих страниц он не упустил случая использовать живого свидетеля поры своего детства—ту же Софью Васильевну.

Чем объясняется следующая кратковременная вспышка интереса к автобиографической записи в 1887-88 гг.—ответить трудно. Возможно, что тут косвенно сказывается влияние не столько положительного, сколько отрицательного обстоятельства—начала решительного отмирания отношений к Балаки-

реву, т. е. в своем роде начала завершения целой эпохи в жизни Н. А. Впрочем, на этот раз он только подошел к изложению своих былых отношений с Милием Алексеевичем (II гл.), не успев втянуться в дальнейшее или не чувствуя себя еще для того достаточно созревшим.

Следующий короткий период, в течении которого возникает около трети всей „Летописи“—это весна и лето 1893 года. За этот срок изложены главы III-VII, XI-XIV и XXII. По содержанию эти главы охватывают следующие события: знакомство с Балакиревым, сближение с ним, первые шаги на композиторском поприще, жизнь кружка в ранний период, дальнейшее плавание, возвращение к сочинению и жизнь Балакиревского кружка в половине 60-х годов; далее (гл. XI-XIV)—период от лета 1872 г. до 1877 г., т. е. эпоху изучения технических средств современной музыки и собственного технического перевооружения, и, наконец, (гл. XXII)—ближайший по времени записи сезон 1892-93 года.

Как отзвук того же импульса к автобиографической записи, внутреннюю природу которого мы постараемся вскрыть дальше, можно рассматривать, повидимому, страницы, посвященные периоду от 1878 по 1881 г. и написанные в 1895 году.

После почти десятилетнего перерыва Н. А. берется снова за свои воспоминания. Подавляющее количество написанного в этот последний период приходится на 1905 и 1906 г.г. (точнее даже на 1906 год).

Это главы VIII—XI (1868—72 г.), XVIII (1881—82), XIX—XXI (1883—92) и XXIV—XXVIII (1895—1906). Лишь небольшая часть—конец главы XXII и гл. XXIII—датируется 1904 годом.

Как можно видеть из этих данных, время, отделяющее записи отдельных событий *от них самих*, очень различно. Оно то настолько укорачивается, что летописец становится к ним совсем вплотную* (1893 г.), то сильно удлиняется (запись 1906 г. о периоде 1866—67 г.г.). Этим отчасти объясняется разница, как в детальности изложения отдельных частей (особенно подробна запись музыкальных событий сезона 1892—93 г.г, постановка „Млады“ и проч.—см. гл. XXII), так и в четкости и чистоте воспоминаний (наибольшее количество хронологических ошибок приходится на 60-ые годы).

Однако, не менее существенны и другие условия, определяющие работу памяти, именно, те обстоятельства внутренней жизни, при которых события в свое время переживались и позднее воскресали в процессе записи. Если в отдельных главах чувствуется известное увлечение описываемыми предметами, определенная воля к охвату конкретных живых картин и образов (Балакирев, Бородин, Мусоргский,

Лядов, Беляев), то в других случаях запись приближается почти к конспекту, создавая впечатление, будто велась она автором через силу, из одной потребности довести изложение до конца.

С другой стороны, сопоставление основных дат работы над „Летописью“ (1893, 1905 — 6 г.г.) с соответствующими эпохами внутренней жизни дает право сделать следующий существенный вывод. Большая часть „Летописи“ возникла в периоды творческого упадка, утомления, общей депрессии, а то и более глубоких внутренних кризисов. „Летопись“ среди длинного ряда художественных произведений Н. А. находится на положении не родного его детища, а как бы пасынка.

Уходя с головою в работу, Н. А. не умел размерять и щадить своих сил. Нервный расход в периоды творческого подъема бывал у него несомненно очень велик. Наружное спокойствие—результат большой выдержки и внутренней дисциплины—не позволяло со стороны судить о скрытых волнениях и незнающем отдыха, безжалостном напряжении сил. Неизбежный в такие периоды перерасход энергии сказывался после в чувстве утомления и в общей депрессии. Увлечение сменялось упадком, фантазия временно умолкала, и на фоне опустошения, вызванного творческой грозой и бурей, поднимал свою голову суровый и черствый разум. Н. А. и помимо подобных отливов, обусловленных перебоями в творческой работе, был в известной мере предрасположен—и по натуре, и по воспитанию—к обнажению рассудочного дна своей души—в форме ли нарочито скептической самооглядки, суровой до придирчивости самокритики или суховатого и прямолинейного пересмотра художественных явлений и своего отношения к людям.

Все эти черты, характерные для очередных периодов творческой безработицы, в усугубленном виде встают перед нами в более критические и болезненные эпохи. Именно к последним относится довольно продолжительный период от 1890 по 1893 год. „Новые веяния“ в Беляевском кружке, о которых Н. А. упоминает в XXI главе „Летописи“ и которым посвящает более откровенные строки в письмах к С. Н. Кругликову, разочарование во многих окружающих художественных явлениях, казавшихся долго бесспорными, усталость от предыдущих годов творческой деятельности, отмирание отношений к Балакиреву, опостылевшие условия службы по Капелле и ряд семейных невзгод—все эти причины внесли свою долю в болезненные, и физически и душевно, переживания 1890—1893 годов.

Вернувшись в 1891 году из-за границы (Н. А. пришлось оставить семью и больного ребенка в Швейцарии из-за начальнического каприза Балакирева, который, приурочив воз-

вращение Н. А. к своему от'езду в начале августа, в действительности довольно долго, без всяких видимых оснований, не пользовался своим отпуском), Н. А. писал Надежде Николаевне: „Когда я был за границей, мне казалось, что вот не хватает мне музыки; а теперь она, оказывается, мне вовсе не нужна“ (письмо от 15 августа 1891 г.). В другом письме, передавая свои впечатления от прослушанных у Беляева новых пьес русских авторов, Н. А. характеризует их в одном случае выражением „скучно“, в другом—„мелко и ничтожно“, в третьем—„сухо и безжизненно“, хотя речь идет об именах очень ему близких. „Словом“, прибавляет он, „красивые гармонии, сплетения, мелодические фразы—меня решительно не трогают, все мне кажется сухо и холодно. „Млада“ решительно холодна, как лед. Вот Бетховенский квартет или симфония—другое дело. Техника и разработка там только форма, а все проникнуто жизнью и душою... Полагаю, что большая часть русской школы—не музыка, а холодное и головное сочинительство.... Пожалуй, что с такими мыслями и сочинять следует бросить, но если мысль и чувства верны, то и следует... Не сожалею..., что я разорвал записную книжку в порыве дурацкой злобы и что теперь я не припоминаю того, что там было. Право, все, что там было записано—не стоит и гроша...“ (письмо от 21-го августа 1891 г.).

Здесь не место допытываться, каковы конечные причины подобного тягостного разочарования в том, что так еще недавно было кровно близко и мило. Для нашей цели достаточно самого факта.

Напомню, что мысли, здесь цитированные, стали одолевать Н. А. в бесплодное для него лето 191 года, связанное с трудною и неудачною поездкою всем семейством (из 8-ми человек) в Швейцарию, поездку, вызванную болезнью младшей дочери Н. А. Те же мысли не оставляли Н. А. и в сезон 1891—92 г., отмеченный для него несостоявшейся постановкой „Млады“—из-за казенно-театральной волокиты. К лету 1892 г. скептическое раздумье стало принимать упорную форму попыток довести свои тревожные мысли об искусстве вообще, о русской школе и о самом себе до полной ясности и философской обоснованности (см. гл. XXII). Вслед за усиленным напряжением, вызванным этими занятиями, к осени 1892 года стало обнаруживаться мозговое переутомление в клинически-яркой форме (приливы к голове, спутанность мышления, навязчивые идеи, потеря аппетита и т. д.).

Параллельно с этой внутренней разладицей и болезненными явлениями в период 1890—93 годов идет затяжной процесс распада отношений с Балакиревым, процесс тем более болезненный, что протекает он в условиях продол-

жающейся совместной службы, а следовательно, и необходимости до поры до времени варить служебную кашу в опостылевшей Капелле, с опостылевшим человеком.

Весна и лето 1893 года — время записи значительной части воспоминаний — это те несчастные месяцы, когда на глазах Н. А. и Н. Н. умирала их младшая дочь. День за днем тянутся безрадостные месяцы в Ялте, на этот раз, как на-зло, неприветливой. Раздумье над собственным творчеством еще не изжито; исцеление в виде новой, увлекательной работы еще не пришло, и творческая воля молчит. С Капеллой, хотя и покончено внутренне, но служба в ней висит по-прежнему тяжелым гнетом над душою. Вот несколько выдержек из писем, относящихся к рассматриваемому периоду

„Я начал продолжать“, пишет Н. А. из Ялты старшему сыну, „свои воспоминания, но встретил затруднения с годами, и мне необходимо иметь некоторые справки, о чем я хочу написать Трифонову“ (Ялта, 26-го июня). „Я пишу свои воспоминания и, за неимением под рукою разных материалов, нужных, чтобы припомнить старые годы, (напр. программы концертов и проч.), я описал сезон 1892—93 г. Но и эта работа вводит меня в сомнение: следует ли ее продолжать“ (Ялта, 14 июля). „Иногда принимаюсь за воспоминания, но все это делается как-то вяло и лениво.... Такого отсутствия энергии я никогда не испытывал.... Да и в самом деле, какая тут может быть энергия, когда чувствуешь над собою нечто тяжкое, висящее, но не падающее пока“. (Ялта, 20-го июля). „По вечерам я хожу по саду и смотрю на звезды“ (Ялта, 3 августа) „Мы как-то здесь оцепенели в умственном и нравственном отношении, живем изо-дня в день и стараемся не говорить о будущем“ (Ялта, 5 августа). „Я решительно ничего не могу делать эти дни; хожу большей частью из угла в угол или сижу и курю без конца“ (Ялта, 9 августа).

Из этих кратких отрывков можно составить себе в целом довольно ясное представление о душевном состоянии Н. А. в течение лета 1893 г.

Приведенные данные о годах кризиса 1890—93 г. с некоторыми ограничениями применимы и к следующему периоду, когда также возникла значительная часть „Летописи“ —, к годам 1905—1906 г. Здесь мы снова имеем дело с волной усталости и ослабления творческой энергии, правда, не столь сложно обусловленной и потому менее дезорганизующей личностью Н. А. Упомянутая в „Летописи“ о лете 1905 г., веденная в имени „Вечаша“, Н. А. характеризует свое состояние словами: „сбитый с толку историей с Консерваторией, я долго не мог за что-либо приняться“ („Летопись“, гл. XXVIII).

Придя несколько в себя и отдохнув от бурных и сильно нервизирующих переживаний 1905 года, Н. А. взялся за ли-